

А.Н. Малинкин

Награда как социальный феномен

*Введение
в социологию
наградного
дела*

Александр Малинкин

**Награда как социальный
феномен. Введение в
социологию наградного дела**

«ЦГИ Принт»

2013

УДК 316.7
ББК 60.56

Малинкин А. Н.

Награда как социальный феномен. Введение в социологию
наградного дела / А. Н. Малинкин — «ЦГИ Принт», 2013

ISBN 978-5-98712-116-0

Награда – такой же древний феномен человеческого социума, как и дар. Но если о дарении и подарке как социальном феномене написаны уже горы книг, то этого не скажешь о награде. Автор книги, кандидат философских наук, доцент кафедры наук о культуре философского факультета НИУ ВШЭ, в отличие от специалистов по фалеристике, рассматривает награду не в её прикладном историческом аспекте, но совсем в другом свете – как социальную символическую форму. Путём феноменологически-социологического исследования он пытается выяснить, в чём заключается сущность награды, что именно символизируют награды и их наградные знаки. Автор выдвигает идею нового направления социального и гуманитарно-научного поиска – «социологию наградного дела», рассматривая эту работу в качестве её концептуального введения. В книге затрагиваются культурные, политические, экономические, государственно-правовые и социально-этические реалии жизни, которые являются предметами таких дисциплин, как философия, социология, политология, юриспруденция, история, семиология, этика, а также политическая, социальная и культурная антропология. Книга предназначена для широкого круга образованной публики, интересующейся социальной и политической философией и не безразличной к проблемам этологии человека. Книга может быть полезна для философов, социологов, политологов, культурологов, а также для юристов, специализирующихся в области наградного права и теории государственного управления.

УДК 316.7
ББК 60.56

ISBN 978-5-98712-116-0

© Малинкин А. Н., 2013

© ЦГИ Принт, 2013

Содержание

Введение	7
Глава I. Награда как предмет социологического исследования	10
1. Социология форм общественного поведения и морали	10
П. Сорокина	
2. Современные исследования награды и наградного дела	17
Государственная наградная система в понимании	18
О. С. Смыслова	
Наградная система государства в концепции А. Л. Дёмина	19
Государственная наградная система в трактовке	27
А. И. Гончарова	
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Малинкин
Награда как социальный феномен.
Введение в социологию наградного дела

© Малинкин А. Н., 2013

© Центр гуманитарных инициатив, 2013

* * *

Посвящаю моей любимой жене

Введение

Почти в каждой российской семье хранятся боевые и трудовые награды дедов и отцов, бабушек и матерей. Это наши семейные реликвии – священная память о близких людях, обеспечивших нам жизнь, какой бы она ни была. За орденами и медалями наших предков стоят фундаментальные ценности социума, значимость которых по большому счёту не зависит от того, при какой власти были получены эти ордена и медали. Достоинство жить можно и должно при любой власти. Честный упорный труд на благо Отечества и верность Родине в бою – *непреходящие социальные добродетели*.

Писать о награде и легко, и трудно. Общеизвестность социального феномена награды не делает его в такой же мере общепонятным. Интуитивно всем ясно, что такое «награда». Ведь с раннего детства нас воспитывали, наказывая за своеволие и непослушание, поощряя за покладистость и подчинение. Кто это делал? Родители, старшие братья и сестры, старшие друзья и товарищи, воспитатели, учителя... Казалось бы, что может быть проще этого необходимого отношения между старшими и младшими, сильными и слабыми, знающими и незнающими и т. п. – отношения, естественно воспроизводимого в любом социуме? Да и зачем в повседневной жизни ломать голову над тем, что не вызывает никаких вопросов и принимается как само собой разумеющееся, данное *от века* «естественным образом»?

Впрочем, есть люди, которые считают, что само собой ничего разумеется не может, что всякий раз имеет смысл докапываться до предпосылок нашего якобы «естественного» понимания. Автор этих строк принадлежит к числу таких людей.

О наградах писали до недавних пор почти исключительно историки, специализирующиеся в области фалеристики, вспомогательной исторической дисциплины. При этом публикации некоторых из них (речь идёт о музейных работниках и частных коллекционерах) отражали не только знания в этой области, но и практические навыки работы с фалеристическим материалом, соответствующие этим навыкам технико-технологические познания. С начала 1990-х годов по настоящее время в России было издано огромное число книг по фалеристике, но почти все они представляли собой, с одной стороны, чисто исторические исследования, с другой – альбомы, каталоги, справочники. Авторы ни первых, ни тем более вторых не проблематизировали награду как социальный феномен, а если и поднимались до каких-то обобщений, то, как будет показано ниже, делали это не вполне удовлетворительно, поскольку не владели методологическими и понятийными средствами философии, социологии, политологии.

Вместе с тем, и представители указанных дисциплин редко обращали внимание на социальный феномен награды. До него снизошла, впрочем, английская социально-философская традиция: Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Бентам, Дж. С. Милль, Г. Спенсер. Но в большинстве случаев награда рассматривалась английскими мыслителями в рамках моральной философии, да и то, как правило, лишь вскользь. Теоретически разработанную концепцию награды можно найти только в утилитаристском социально-этическом учении Иеремии Бентама¹. В начале XX века молодой российский социолог, ученик М. М. Ковалевского, Питирим Сорокин, отправляясь прежде всего от учения И. Бентама, в своём первом монографическом труде открывает для себя роль награды как воспитательного и социализирующего средства. Оставаясь в рамках утилитаристской парадигмы, он, как и И. Бентам, рассматривает награду в рамках единого комплекса, известного под названием «кнут и пряник»: кара и награда, каждая на свой лад, выполняют общественно-полезные функции – дрессируют человека, совершенствуя его природу и общественные нравы.

¹ Bentham, Jeremy. The Rationale of Reward. (<http://www.laits.utexas.edu/poltheory/bentham/rr/>)

Что же касается познаний в области фалеристики, то до их теоретического осмысления ни у кого из указанных мыслителей дело не дошло, если не принимать в расчёт геральдические спекуляции Дж. Вико и Т. Гоббса (о гербах вообще и гербах на эмблемах наградных знаков, в частности).

Таким образом, сложилась безотрадная ситуация: историки-фалеристы, знающие о наградных знаках и фактах награждений всё или почти всё, никогда не «поднимались» до философского осмысления социального феномена награды, а социальные философы, владеющие средствами, необходимыми для такого осмысления, никогда не «опускались» до концептуального осмысления прикладных фалеристических знаний, ибо не имели их. Из такой «патовой» междисциплинарной ситуации может быть, по нашему мнению, только один выход – обоюдное встречное движение, как в случае прокладки тоннеля одновременно с двух сторон. Один из вариантов такого встречного движения как раз и представлен в нашей «социологии наградного дела».

Так что же такое «награда»? Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, русское слово «награда» происходит из церковно-славянского языка; его более глубокие корни связаны с праславянской лексической формой «*pagorditi*». От неё в числе прочего произошли: украинское и белорусское «нагорóда», болгарское «нагрáда», сербохорватское «на́града», словенское «*pagrǵda*», чешское «*náhrada*» («возмещение, замена»), польское «*pagroda*». Предположительно, «*pagorditi*» означало «пожаловать градом, городом» либо «наложить кучей» (ср. русское «нагородить»). В толковых словарях у слова «награда» выделяют три основных значения: 1) почётный знак, орден, которыми отмечают чьи-нибудь заслуги; 2) то, что даётся и получается в знак особой благодарности, признательности; 3) благодарность, дар, воздаяние за что-нибудь, счастливое завершение, утешение («*Сон, дневных трудов награда*». А. С. Пушкин)².

Феноменология языковой формы предвосхищает понятийный смысл награды, о котором пойдёт речь в этой книге, но лишь отчасти и с характерным для языка своеобразием – смешивая в одном недифференцированном единстве глубинно существенное и поверхностно феноменальное. Естественные разговорные языки формируют «относительно естественные мировоззрения», а они являются основным предметом феноменологической социологии знания, приверженцем которой считает себя автор. Предлагаемое исследование награды мы рассматриваем, с одной стороны, как наш посильный вклад в разработку социологии наградного дела, а с другой – как опыт социально-феноменологического исследования. Уже простой анализ языка приводит к необходимости последнего – отчасти в дополнение к традиционному сциентистскому объективизму, отчасти в антитезу ему.

В самом деле, если верно, что первоначально наградой мог быть целый город либо сложное большой кучей добро (оружие, драгоценности и т. п.), как это бывало во времена завоеваний стран и покорений народов, значит, наградой могло быть всё, что угодно. Стало быть, должно реально существовать то, что объединяет всё многообразие феноменальных форм награды. Ведь наградой могут быть и слова признательности, и благодарность в виде грамоты, и денежное вознаграждение, и пожалование титулом, почётным званием... Следовательно, награда – это не просто *вещь* в виде особого знака, например, орденского или медального, а нечто более сложное: то, что всегда незримо присутствует вместе с этим знаком как его скрытый генератор. Это определённое социальное отношение между людьми, их специфическое социальное взаимодействие, наконец, их социально-чувственная взаимосвязь. В свете феноменологии, награда (независимо от того, имеет ли она специальные репрезентирующие её *знаки* или нет) приобретает символическую форму и становится *социальным символом*.

Вопросу о том, символом чего является награда, в каком смысле она что-то символизирует, собственно, и посвящена эта книга. В ней затрагиваются по необходимости многие про-

² См.: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer>. См. также: <http://ru.wiktionary.org>.

блемы реальной общественной, политической, экономической, государственной жизни, являющиеся предметами таких дисциплин, как философия, социология, политология, этология, этика, история, экономика, социальная, культурная, политическая антропология, семиология и др. Едва ли возможно в одной книге одинаково глубоко осмыслить и интеллектуально проработать все содержательно-смысловые аспекты награды как социального феномена – слишком он многослоен, многообразен и переменчив в реальной действительности. Некоторые темы в книге лишь намечены, некоторые проблемы лишь сформулированы. Отсюда и вторая часть названия книги, одновременно уточняющая и программная – «*введение* в социологию наградного дела». В центре нашего внимания были не столько конкретно-исторические содержательные темы и проблемы, сколько, с одной стороны, методология исследования социального феномена «награда», с другой – его сущность и способы существования.

Эти последние аспекты, как нам представляется, получили достаточно полное освещение и были проработаны нами лучше конкретных проблем социологии наградного дела. Изучать их предстоит исторической социологии с опорой на общую и военную историю, историю политики и дипломатии и на другие дисциплины.

Принципиальным пунктом для нас был способ цитирования: мы не жалели места для обширных цитат из различных источников, чтобы читатель мог получить адекватное представление о точке зрения их авторов (даже если мы их не разделяем). В то же время, мы старались не перегружать книгу материалом из области фалеристики. Она предназначена не столько для специалистов по этой прикладной исторической дисциплине, сколько для широкого круга образованной публики, интересующейся социальной и политической философией и к тому же не безразличной к социально-этическим вопросам и проблемам этологии человека. Возможно, книга будет полезна также для юристов-специалистов в области наградного права, теории государственного управления.

Надеюсь, не пройдут мимо книги и те, кто трудится на ниве профессиональной социологии и политологии. В первую очередь от них автор ждёт критических отзывов, поскольку, отработав в академической социологии более тридцати лет, считает себя вправе критиковать современную отечественную социологию. «Судите нас, ибо вы сами будете судимы нами» – так сформулировал свой исследовательский девиз в книге «*Номо soveticus*» А. Зиновьев, антисоветский и в то же время глубоко русский социолог. Признаюсь, мне далёко до зиновьевского остроумия и парадоксализма. Нет у меня и той дерзости, что была у ветерана Великой Отечественной войны лётчика-штурмовика капитана А. А. Зиновьева. Но то, что нас объединяет, всё-таки есть: социологический опыт вкупе с возможностью рефлексировать над ним с отстранённой позиции. Много это или мало – *судить* читателю.

Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность людям, каждому из которых я в чём-то лично признателен за их участие в моей профессиональной судьбе. Это профессор Г. С. Батыгин, кандидат исторических наук Я. В. Сиверц ван Рейзема, профессор А. М. Руткевич, профессор Л. Г. Ионин, профессор Ю. Н. Давыдов, профессор А. Ф. Филиппов, кандидат философских наук В. А. Куренной.

Вероятно, Г. С. Батыгин не согласился бы с моей критикой познавательного потенциала социентистски ориентированных социальных исследований. Между тем, этой книги могло и не быть, если бы в 1977 году в Институте социологических исследований АН СССР не началось наше научное сотрудничество и если бы уже в начале 2000-х годов он не оценил её первый черновой набросок по достоинству. Я слишком многим обязан Г. С. Батыгину как учёному и педагогу, приоткрывшему для меня философскую подоплёку социологии, чтобы забыть о его влиянии на формирование моей профессиональной идентичности. Он был и останется для меня образцом личности социального исследователя.

Москва

01.06.13

Глава I. Награда как предмет социологического исследования

1. Социология форм общественного поведения и морали П. Сорокина

Основы российской традиции социологического изучения награды заложил П. Сорокин. В 1914 году он, будучи 24-летним студентом, опубликовал свою первую книгу «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали»³. Книга с таким названием не могла не вызвать интереса. Новой для России была и её тема. В западноевропейской традиции социальной мысли награда обратила на себя ученое внимание еще со времен Т. Гоббса, Дж. Локка, А. Смита, И. Бентама Г. Спенсера и др. В их трудах награда предстает как необходимый элемент общественной морали, политики, права и, соответственно, как предмет моральной, политической философии и философии права. П. Сорокин опирается на труды указанных авторов, а также на современные ему немецкие, французские, английские источники, однако *впервые делает награду предметом социологического исследования*.

Особенность подхода П. Сорокина к исследованию феномена награды, унаследованную им от И. Бентама, определил взгляд, согласно которому два, казалось бы, параллельных ряда общественных явлений – преступление и наказание, с одной стороны, подвиг и награда, с другой, представляют собой в сущности взаимосвязанное и взаимообусловленное единство. Оно, полагает П. Сорокин, возникает с древнейших времён, являясь универсальным общечеловеческим феноменом, и исторически эволюционирует в направлении уменьшения числа наказанных и награждённых, смягчения жестокости кар за преступления и снижения интенсивности награждений. Выявленную им историческую тенденцию Сорокин П. называет «законом колебания кар и наград»: «Интенсивность кар (и наград) тем более велика в каждый исторический момент, чем более примитивно данное общество и чем больше антагонистической разнородности в психике и поведении его членов – пишет он. – И наоборот, чем более культурно данное общество, и чем более однородна психика и поведение его членов – тем менее жестоки кары и менее интенсивны награды»⁴.

Кары и награды оказывают, по выражению П. Сорокина, «дрессирующее» воздействие на человечество. Они требуются для воздействия на психику граждан, чтобы те вели себя в обществе «должным» образом (позднее это будет названо в структурном функционализме, который П. Сорокин начал разрабатывать *de facto* с 1913 г., «интериоризацией социальных норм», или «социализацией»). В массе своей граждане недостаточно воспитаны, не адекватно реагируют на установленные обществом в социальной этике и зафиксированные государством в праве «должные, запрещенные и рекомендованные акты», прежде всего – на «должные», т. е. на те, которые сопряжены с выполнением ими гражданского долга. Власть и политические акции власть имущих понимаются П. Сорокиным по умолчанию в позитивном смысле. Гарантом конечной позитивности властных акций представляется ему всемирно-исторический про-

³ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов.

⁴ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 337.

гресс человеческой цивилизации – медленное, но верное приближение к идеалу гуманности. Отсюда и «историческая тенденция падения кар и наград»: «Подобно тому как было сказано: «Война нужна была для того, чтобы уничтожить войну» точно так же можно сказать: «Кары и награды нужны были только для того, чтобы уничтожить кары и награды» таков вывод из всего предыдущего...»⁵.

Как же конкретно представляет себе этот процесс русский социолог? «То, что раньше было внешне декретируемым «долгом», за неисполнение которого грозили карой, и то, что раньше можно было добыть от индивида лишь с помощью наград, то с течением времени становится «долгом», но долгом не извне навязываемым, а долгом свободным, самопроизвольным, органически присущим внутренним импульсом, – пишет П. Сорокин. – (...) Это есть... «любовь» в том смысле, в каком ее понимали Будда, Христос и другие великие проповедники действенной любви... Иначе говоря – это свободное хотение индивида... Для того, чтобы заставить голодного пообедать – не нужно кар и наград, он сам с удовольствием сядет за стол и будет есть. То же и тут, кары и награды нужны только тогда и для того, кто не приспособлен к социально полезному поведению; там же, где социально полезные шаблоны являются органической потребностью, там кары и награды излишни»⁶.

Таким образом, кары и награды смягчают нравы, повышают сознательность людей, уменьшая их эгоизм и увеличивая альтруизм, тем самым способствуют росту социальной справедливости и солидарности в обществе. Поскольку социальная функция кар и наград состоит, прежде всего, «в создании, расширении и укреплении социальной справедливости», то «кары и награды падают» по мере её роста – а рост социальной справедливости, по его мнению, со всей очевидностью наблюдается в ходе истории в виде «прогресса человеческого поведения». «Они [кары и награды – А.М.], следовательно, создавая солидарность, сами себе роют могилу, в которой и будут похоронены на веки вечные... Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, права и нравственности, не знающий извне навязываемого «долга» и полный действенной любви к сочеловекам, – вот предел, к которому ведёт история человечества»⁷. Вера молодого российского социолога в доброту власти, ее сущностное благоразумие, гарантом которого выступает в его глазах социальный прогресс на базе научного знания, настолько слепа и безгранична, что даже идеи Ф. Ницше о «воле к власти» и скором пришествии «сверхчеловека» он истолковывает на голубом глазу исключительно в светлом альтруистическом духе.

Предметом социологии кар и наград П. Сорокина являются «основные формы общественного поведения и морали», к которым он относит «преступные» и «услужные акты», выделяющиеся на общем фоне нормального законопослушного поведения большинства людей своей общественной значимостью (соответственно, отрицательной и положительной). В трактовке этих актов П. Сорокин следует за И. Бентамом, Р. Йерингом, Р. Деля-Грассери. Так, например, последний писал: «Другое право,... право симметричное с правом пенальным и неизвестное как криминалистам, так и криминологистам,... это есть право премиальное. Преступлению или нарушению права должен быть противопоставлен героизм или необязательная добродетель, выходящая из границ (нормальной или обязательной) добродетели. (...) Это есть уже преизобилие... альтруизма, тогда как преступление есть не что иное, как избыток

⁵ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 356.

⁶ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 356, 357.

⁷ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 357.

эгоизма»⁸. «Услужные» акты П. Сорокин называет ещё «рекомендуемыми» и выступает за признание «премиального», или наградного, права, за выделение его в особую отрасль, кодифицированную по образцу права криминального. Эту идею в России поддерживали также Л. И. Петражицкий и Н. А. Гредескул.

Differetia specifca услужного, или «рекомендуемого», акта П. Сорокин усматривает в «характере психического переживания», выявляет три его необходимых существенных компонента: «Этот своеобразный психический процесс, известный почти каждому по собственным переживаниям, можно охарактеризовать следующими образом: для каждого из нас «услужными» являются те акты (как свои, так и чужие), которые, во-первых, не противоречат нашим «должным» шаблонам, во-вторых, выходят по своей «добродетельности» за пределы «обязательности», в силу этого они добровольны и никто не может притязать на них, а равно выполняющий их не осознаёт себя «обязанным» выполнять их (в форме ли *facere*, или *pati*, или *abstinere*). (...) В силу сказанного для каждого индивида или для совокупности индивидов «подвигами» будут все те акты, как свои, так и чужие, которые наделяются или переживаются ими как акты, обладающими вышеуказанными свойствами»⁹.

Вклад П. Сорокина в разработку социологии награды заслуживает, наверное, отдельного исследования. Ограничимся здесь кратким критическим анализом. В первом большом труде молодого дарования сплетены воедино – на наш взгляд, по эклектическому принципу – едва ли не все известные к 1913 году философские методологии: позитивизм, неокантианство, феноменология, философия жизни. В его труде сочетаются бихевиоризм, формальный социализм, историцизм и др. На ряд существенных методологических и концептуальных неувязок сразу же обратили внимание его первые рецензенты. Среди них следует упомянуть А. Гизетти, Н. Тоцкого, Т. Райнова, но прежде всего – В. М. Чернова, посвятившего критическому разбору методологии П. Сорокина большую статью под названием «Научное построение идеалов и чистое познание» (где знаменитый социалист-революционер демонстрирует знание последних европейских веяний в области философии и социологии)¹⁰. В содержательном отношении книгу П. Сорокина отличает изобилие, если не сказать избыточность, привлекаемого к рассмотрению теоретического и эмпирического материала. Слабым местом является, на наш взгляд, недостаточная продуманность и адекватность терминологии, что обусловлено её зависимостью от разнородных по своему происхождению философских доктрин.

Главное же, мы не разделяем прогрессистских иллюзий новообращённого масона в отношении кар и наград, поэтому не считаем, будто они отомрут, похоронив самих себя; будто их «дрессирующее» воздействие проникает в человеческую природу настолько глубоко, что в принципе способно изменить её (а тем более «улучшить»). Модная бихевиористская методология по схеме «стимул – реакция» переносится П. Сорокиным на человека, как если бы он был высокоинтеллектуальной крысой. Эти позитивистские и либералистские иллюзии основаны, по всей очевидности, на социально-утопических представлениях о человеке и истории. Как верно заметил В. В. Сапов в своей вводной статье к книге П. Сорокина, переключка названия его «этюда» с названием известного романа Ф. Д. Достоевского, «во многом носит фиктивный характер». Социолог явно недотягивает до тех глубин в понимании человека, которые

⁸ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 118.

⁹ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 119. *Facere*, *pati*, *abstinere* (лат.) – здесь: поведение в форме действия (*facere*) либо бездействия, которое может быть или терпением (*pati*), или воздержанием (*abstinere*).

¹⁰ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. Книгу заново открыл и подготовил к изданию к 110-й годовщине со дня рождения ее автора В. В. Сапов. С. 361–406.

отличают великого русского писателя с его грозным предупреждением «Зло коренится гораздо глубже в природе человека, чем полагают лекаря-социалисты»¹¹. История же очень скоро обнаружила несостоятельность взглядов П. Сорокина, который сам лишь чудом не сгинул в застенках ГПУ.

Историческое развитие цивилизации, несомненно, «смягчает» нравы, но делает ли она их «лучше»? Наш ответ: нет. Скорей, наоборот. Да и как можно сравнивать зверские казни десятков людей в историческом прошлом с циничным применением современного оружия массового поражения, к примеру, в Хиросиме и Нагасаки? Для сравнения этих исторических реалий нет и быть не может общего «научного» основания, такого рода явления не сопоставимы. «В основе исповедуемого Сорокиным социально-политического идеала лежит масонская просветительская концепция Добра и Зла, согласно которой Зло рассматривается как своего рода математический минус, или, если воспользоваться формулой В. С. Соловьёва, «естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра»», – констатирует В. В. Сапов, утверждая далее, что «законы функционирования Зла принципиально отличны от законов функционирования Добра»¹². Нельзя с ним не согласиться. Отсюда следует, что главная социально-философская идея П. Сорокина о внекаузальной взаимообусловленности, или, точнее говоря, «*координации функционального порядка*» между преступлениями и наказаниями, с одной стороны, подвигами и наградами, с другой, – а ведь именно на ней и держится всё его теоретическое построение – не выдерживает критики.

Вместе с тем это означает, что в действительности не существует той *предустановленной социально-функциональной гармонии* «кнута и пряника», того *автоматического взаимодействия между преступлениями и наказаниями*, с одной стороны, и *подвигами и наградами*, с другой, на которые П. Сорокин опирался как якобы на самоочевидный факт; что гипертрофированная, как ему казалось, разработанность уголовного права по сравнению с зачатками права премиального, или наградного – вовсе не «иллюстрация «курёза» научной мысли», а результат общественной практики, складывавшийся веками. Одновременно это означает, что в реальной действительности сфера преступлений и кар существует относительно независимо и автономно от сферы подвигов и наград, что обе они обладают собственными спецификой, закономерностями возникновения, развития и функционирования; что, наконец, представление об их якобы должной зеркальной (обратной) симметричности – не более, чем соблазнительный мираж разума и... «человеческое, слишком человеческое» стремление выдать желаемое за действительное.

Вот почему логически правильные следствия из главного теоретического постулата П. Сорокина, пусть и гипотетические, выглядят явной натяжкой. Приведу пример. «Если бы действительно акты кары стали падать, а акты награды расти, – пишет он, – то по существу дела никакого значительного изменения не произошло бы: рост наград означал бы тот же рост кар, но выраженный не прямо, но косвенно»¹³. В. В. Сапов комментирует это так: «Сорокин пишет в сослагательном наклонении, подчёркивая тем самым нереальность ситуации. Мы в такой «нереальной» ситуации жили совсем в общем-то недавно, только понять не могли, какой социальный смысл имеет эта безудержная страсть к наградам и орденам. Теперь понятно: когда один провозглашается трижды, четырежды, пятижды (!) героем, то тем самым трижды, четырежды, пятижды подчёркивается ничтожество всех остальных»¹⁴.

Чисто умозрительно понятно: в определённых обстоятельствах наградой может быть ненаказание (или более мягкое наказание) и, наоборот, карой может быть ненаграждение (или

¹¹ Сапов В. В. В начале «длинного пути» (первая книга Питирима Сорокина). С. 27.

¹² Сапов В. В. В начале «длинного пути» (первая книга Питирима Сорокина). С. 26.

¹³ Цит. по: Сапов В. В. Цит. соч. С. 24.

¹⁴ Цит. по: Сапов В. В. Цит. соч. С. 24.

награждение наградой боле низкого достоинства). Известно, к примеру, что мягкое воспитание детей отличается от жёсткого как раз тем, что в нём наказанием является отказ в поощрении. Однако то, что «рост наград» означает «косвенный» «рост кар» (и наоборот) просто не согласуется со здравым смыслом – в реальной жизни кары либо есть, либо их нет. Соответствует ли «косвенная кара» или рост кар в косвенном выражении чему-то конкретному в реальной действительности, автор не уточняет, об этом можно только догадываться. Что же касается интерпретации В. В. Сапова, то она, с нашей точки зрения, носит скорей саркастический характер. У некоторых представителей правящих кругов СССР «безудержная страсть к наградам и орденам» имела мотивом банальное человеческое тщеславие. От него, слава Богу, никто не пострадал, а стремление престарелых людей возвеличить себя путём награждений как собственное унижение не воспринимал никто, кроме разве их завистников из ближайшего окружения.

Идея внутреннего единства «кну́та и пря́ника», их необходимой функциональной взаимосвязи по принципу взаимодополнительности напрашивается сама собой, когда речь идёт о государственном устройстве, основанном на принципе единоначалия. П. Сорокин работал над своей книгой в Российской империи, в монархическом государстве, которое только после 17 октября 1905 г. («Высочайший Манифест Об усовершенствовании государственного порядка») перестало быть абсолютной монархией. Уголовное же и наградное право к началу Первой мировой войны оставалось в России в сущности таким же, каким было и раньше. Так, российская наградная система, описанная в «Своде законов Российской империи» (1892 г.) сохранилась к тому времени почти без изменений и имела явно выраженный абсолютистско-монархический феодально-сословный характер. Соседние и западные державы, на которые ориентировался молодой социолог – Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Италия, Испания, Бельгия и др. – в большинстве своём также были монархиями и империями. Формально-республиканское устройство Франции не могло изменить того существенного фактического обстоятельства, что государство в ней жёстко централизовано. Так что, конечно, была своя логика у идеи внутреннего единства «кну́та и пря́ника» по принципу функционального взаимодополнения – ведь П. Сорокин развил её вслед за Т. Гоббсом и другими политическими философами, опиравшимися на социально-исторический опыт управления в условиях расцвета абсолютизма в эпоху Нового времени.

Между тем, XIX и тем более XX века принесли с собой новый социально-исторический опыт, осмысление которого не могло не вести к радикальной переоценке этой идеи. Думается, однако, что и в удельном княжестве даже у самого памятливого и всемогущего князя всегда было много забот и хлопот, так что его правая рука (с кну́том) зачастую не ведала, что делает левая (с пря́ником), и наоборот. Что уж говорить о абсолютных монархиях и империях, где, выражаясь образно, голову и живые руки государя-императора постепенно всё больше заменяют протезы в форме многотысячного бюрократического аппарата, объективно необходимого для управления провинциальными властями на больших территориях. Так что относительная автономность пенальной и премиальной систем, если они вообще не изначальны, то появляются с самых ранних исторических времён. Что же касается нового опыта XX века в его первой половине (авторитарные и тоталитарные режимы) и тем более второй (переход к массовым демократиям, ускорение глобализации), то, с нашей точки зрения, он лишь увеличил реальный разрыв между пенальной и премиальной системами, сделав их автономность ещё более явной.

В советский период отечественной истории на формирование и развитие наградного права определяющее влияние оказала господствовавшая в это время политическая идеология, марксизм-ленинизм. Тотальный политически-идеологический контроль проникал во все сферы человеческой общественной деятельности, прежде всего – в сферу права. Марксистско-ленинская идеология не только повлияла на писанное право, утвержденное в законах, но и на особенности самого правосознания советских людей, сделав так называемую «двойную

мораль» массовым социально-психологическим явлением. Влияние политической идеологии на основные формы общественного поведения и морали в условиях тоталитарного государства П. Сорокин вообще не проблематизировал. В 1913-1914 гг. возникновение этого исторически нового феномена, как и феномена «тотальной мобилизации» (Э. Юнгер), стирающей традиционные границы между войной и миром, не допускало даже его богатое социологическое воображение.

Так, основной принцип социализма гласил: «от каждого по способностям – каждому по труду»; между тем в практике «реального социализма» со стороны управляющих нередко действовал мобилизационный принцип: «если можешь – значит должен», со стороны управляемых, наоборот, демобилизационный: «за видимость зарплаты – видимость работы». Три отличительные особенности «услужного» акта, по П. Сорокину, не выдерживают проверки на универсальность, будучи примерены к социально-этическим реалиям тоталитарного, позднее авторитарного советского государства. Да, они очевидны с точки зрения здравого смысла, однако здравый смысл как раз и становится первой жертвой двойной морали и «тотальной мобилизации». Настоящий подвиг мог в СССР противоречить субъективным переживаниям долженствования; мог быть не добровольным, а «добровольно-принудительным»; в особо напряженные моменты истории, которые требовали от граждан предельной (тотальной) мобилизации физических и психических сил, он даже мог не быть «сверхнормальным» (примеры массового героизма советских людей во время Великой Отечественной войны).

Рассматривая власть как социальный феномен, Н. Луман также приходит к выводу, что наказания (негативные санкции власти) и поощрения (позитивные санкции власти) при видимости их симметрии и автоматизма взаимосвязи существенно между собой различаются, поэтому не могут быть рассмотрены теоретически в качестве некоего единства. «Несмотря на свою логическую симметрию, – пишет он, – негативные и позитивные санкции различаются в своих предпосылках и следствиях столь существенно, что дифференциация и спецификация коммуникативных средств не может пройти мимо этого различия»¹⁵. Констатируя этот, на его взгляд, очевидный факт, Н. Луман считает возможным рассматривать действие негативных санкций в отдельности от действия позитивных.

Тем не менее, отдельные положения первой большой работы П. Сорокина, если очистить их от эклектических философско-методологических наслоений и социального утопизма, с нашей точки зрения, верны и не утратили своей актуальности. Это относится к понятию услужного, или рекомендуемого, акта. По сути дела, речь идет о понятии социального действия, как его понимал М. Вебер, но с теми тремя существенными оговорками-условиями, которые составляют отличительные особенности «подвига». Такие социальные действия мы называем *социально-значимыми*. Да, новые исторические реалии «военного коммунизма», «тотальной мобилизации», «реального социализма» поставили под вопрос понятия «должное», «сверхнормальное», «добровольное», с точки зрения их смыслового содержания. Но с формально-социологической точки зрения, выделенные П. Сорокиным три критерия услужного, или рекомендуемого, акта остались в силе, поскольку указанные выше реалии сами не могут претендовать на статус нормальности и тем более нормативности, а воспринимаются скорее как социально-исторические аномалии. Вполне адекватно, с нашей точки зрения, и представление П. Сорокина о реакции на услужные акты со стороны социального окружения, т. е. о восприятии социально-значимых действий другими людьми, в первую очередь учредителем награды¹⁶.

Важно и в основном правильно (хотя и с некоторыми оговорками, см. ниже) понимание им «социального явления», а также его понятие «социального символизма». Верно наблюде-

¹⁵ Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. С. 40.

¹⁶ См. об этом ниже.

ние П. Сорокина, что для однозначной оценки обществом состава служебных, или рекомендуемых, действий как именно подвига (а, скажем, не преступления) необходима относительная гомогенность морального сознания членов этого общества. Правда, в действительности такая не всегда возможна, а подчас и не всегда желательна, поэтому было бы ошибкой исходить из неё как из некоего нормативного солидаристского идеала. С реально-политических позиций, да и с точки зрения реализма вообще необходим и достаточен всего лишь морально-политический консенсус между награждающим и награждаемым. Представлять дело так, будто оба они непременно являются, должны быть или не могут не быть служителями социальной справедливости, образцами добродетели и гуманизма, – значит игнорировать колоссальный массив реально-исторических фактов, утратить чувство реальности.

П. Сорокин положил немало усилий на то, чтобы доказать: социология морали сама не должна морализировать, утверждая некие нормы, оценки, ценности, провозглашая некие ценностно окрашенные идеалы. Хотя его аргументация в силу некоторого смещения понятий и не безупречна (на что обратил внимание В. М. Чернов), в принципе, он в этом пункте абсолютно прав. Позитивизм как стремление к научной объективности в изучении социальных явлений и процессов, необходим и востребован. Однако, поскольку в основу своей доктрины П. Сорокин положил идеалистический образ человека и соответствующий ему утопический социально-прогрессистский идеал, постольку ему самому не удалось вполне избежать субъективизма как в самом подходе к теме, так и к её содержанию.

Научный объективизм в социологическом исследовании награды возможен и реально достижим, если награду рассматривать как относительно независимый социальный феномен, не ограничиваясь лишь «формами общественного поведения и морали». Предметом исследования в таком случае должно быть не поведение людей, тем более не их психологически переживаемые поведенческие акты, но прежде всего факты правосознания, запечатленные в документах наградного права – в указах, законодательно утвержденных кодексах (положениях), постановлениях правительства, статутах орденов, положениях о медалях и почетных званиях, инструкциях и т. п. Их можно назвать также документированными фактами общественного правосознания и выражения государственной воли. Современный подход приводит к выводу, что подвиги и награды необходимо рассматривать не только отдельно преступлений от наказаний, но и прежде всего как элементы *наградных систем*.

2. Современные исследования награды и наградного дела

В СССР награда как социальный феномен концептуально не рассматривалась. Наградная статистика не публиковалась. Практика наградного дела системно и критически не исследовалась. Это было несовместимо с требованиями госцензуры. Кремлёвская политическая элита была герметично закрытой, в том числе (а может быть, прежде всего) по части политической кухни награждений. Она не могла допустить того, чтобы вопрос об её существовании, не говоря уже о вопросе её описания и изучения, вообще ставился, а если вдруг и ставился, то как-то иначе, нежели официально, т. е. в свете государственной марксистско-ленинской идеологии, постановлений партии и правительства.

Это и понятно: зачем рубить сук, на котором сидишь? Ведь любые номинации, описания, квалификации функций высшей политической власти предполагают, как сказал бы П. Бурдьё, альтернативное официальному видение социального мира, борьбу за символический капитал¹⁷. Советская власть просто не могла никому позволить вторгнуться в ту часть политической жизни, которую считала своей исключительной прерогативой – естественной «монополией легитимного символического насилия». Наградам СССР была посвящена лишь одна важнейшая книга – официальный «Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР», опубликованный в издательстве «Известия» в 1979 г. (в последней редакции переиздавался в 1987 г.). Выходили также официальные издания пропагандистского формата с цветными изображениями наградных знаков отличия, как например, «Государственные награды СССР» (М.: Издательство «Известия», 1987).

Однако наградная тема в СССР не была полностью табуирована. Ведь страна должна была знать о своих героях. В целях пропаганды коммунистической идеологии и ценностей социалистического образа жизни издавалось множество брошюр и книг о Героях Советского Союза, Героях Социалистического труда, кавалерах боевых и трудовых орденов на местном, союзно-республиканском и союзном уровнях. Правда, насколько много было литературы такого сорта, настолько же мало выходило книг, в которых авторы не только рассказывали о том, какие награды существуют в СССР и кто был ими награждён, но и позволяли себе некоторые вольности в виде подходов к осмыслению самого феномена награды и практики награждений. Среди последних следует отметить следующие (в хронологическом порядке).

Дуров В. А. Русские и советские наградные медали. М.: ГИМ – Внешторгиздат, 1977. Косарева А. В. Искусство медали. Книга для учителя. М.: «Просвещение», 1977. Награды Родины: Ордена и награды СССР / Сост. Богданович В. А., Головенко И. П. М. И.П. М.: ЦМ ВС СССР, 1982. Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. М.: Воениздат, 1983. Артамонов Д. Н., Бабаков А. А. и др.; под. ред. Шкадова Н. И. Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1984. Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М.: МГУ, 1985. Дуров В. А. Первые советские трудовые награды // Памятники Отечества. 1986. № 1 (13). Рощин Л. В. Наши воинские символы. М.: ДОСААФ, 1989. Балязин В. Н. За подвиг ратный и трудовой. М.: Просвещение, 1987. Ильинский В. Н. Геральдика трудовой славы. (2-е изд., доп.). М.: Политиздат, 1987. Ильинский В. Н. Трудовые награды железнодорожников и транспортных строителей. М.: Транспорт, 1988. Герои Социалистического Труда. Историко-статистический очерк; под ред. Р. Б. Эльдаровой. М.: Известия, 1988.

Настоящий вал публикаций по фалеристике и истории наградного дела начался в конце 1980-х вместе с ослаблением госцензуры и достиг своего апогея в первой половине 1990-

¹⁷ «Неслучайно *kathégoresthai*, от которого происходят категории и категоремы, означает «обвинить публично». ...Одна из простейших форм политической власти заключалась во многих архаических обществах во власти квазимагической: во власти называть и вызывать к существованию при помощи номинации» (Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. Т. 1. № 1. 1992. С. 21.).

х годов, когда никакой цензуры в этой теме не было. Одновременно историческая кончина Советского Союза побудила многих советских людей призадуматься, что они потеряли как бывшие граждане СССР. Перелом эпох всегда вызывает критическое отношение к собственному мировосприятию, поскольку создаёт психологическую дистанцию, необходимую для появления рефлексии и одновременно обостряет внимание ко всему, что раньше воспринималось как нечто само собой разумеющееся. В первую очередь обостряется внимание к символам ушедшей эпохи, поскольку они вступают в противоречие, и чем дальше, тем больше, с новыми символами и социально-историческими реалиями. Советские награды, хранившиеся почти в каждой семье, в первой половине 1990-х годов именно так и воспринимались, кем-то с щемящим чувством ностальгии, а кем-то со злорадством и презрением.

В последние двадцать лет в России было опубликовано немало книг по фалеристике, однако почти все они имели прикладную направленность, справочную и каталожную. В исторических исследованиях крайне редко поднимался вопрос о природе, сущности, функциях и формах награды как социального феномена. Это всё абстрактные материи, а фалеристов, военных историков и просто историков интересует прежде всего конкретика: события, личности, факты, статистика, предметы (в т. ч. предметы коллекционирования) в их качественной уникальности и количественном многообразии. Исключениями в этом отношении являются работы О. С. Смыслова, А. Л. Дёмина, А. И. Гончарова. Рассмотрим представленные в них идеи и основные понятия.

Государственная наградная система в понимании О. С. Смыслова

Одним из немногих историков, которые проявили в некотором роде теоретический интерес к награде и наградному делу является О. С. Смыслов. Этот автор предложил следующее определение государственной наградной системы: «По моему мнению, – пишет он, – наградная система государства, развивающаяся по внутренним закономерностям, отражающем его сущность и законы развития, – это совокупность государственной политики, законодательных актов и государственных наград как высшей формы поощрения, направленной на укрепление и развитие государственного строя во всех его областях жизни и деятельности»¹⁸. Наше понимание наградной системы вообще и государственной в частности отличается от понимания этих реалий О. С. Смысловым. Отдавая должное его усилиям, нельзя не заметить, что сама по себе политика государства не может входить в состав наградной системы – она может это сделать, только будучи преобразована в наградное право как часть права государственного.

Конечно, политика государства может активно влиять на практику награждений. Например, государство может награждать чаще, щедрее, всё более широкие круги лиц – либо, наоборот, реже, скупее, всё менее узкие круги лиц; оно может быть неразборчиво в раздаче наград, допускать неправильные награждения (вопреки статутам орденов, положениям о медалях и т. п.) или, наоборот, весьма разборчиво подходить к каждой кандидатуре, представленной к награждению, не допускать неправильных награждений и т. п. Наконец, политика государства может активно влиять на реформирование наградной системы: государство может учреждать новые награды, отменять либо модифицировать старые, вносить поправки в уставы действующих наград и т. д. *Но всё это называется «наградной политикой», а не «наградной системой».*

Что касается заключительной части определения О. С. Смыслова, то, сделав акцент на понятии «государственный строй», он почему-то элиминировал жизнь общества и всё то, что называют «гражданским обществом». Между тем, как показывает исторический опыт, государственные награды заслуживаются не только на ниве государственной службы, гражданской

¹⁸ Смыслов О. С. Загадки советских наград. 1918-1991 годы. М.: «Вече», 2005. С. 77.

и военной, но и в общественной жизни – в сфере профессионального труда, общественной, политической, культурной, научной деятельности, даже в бытовой жизни ценой проявления личного мужества, смелости, храбрости и других качеств, например, при спасении погибавших. Другим существенным изъяном дефиниции О. С. Смылова является то, что он игнорирует *социально-институциональный* характер государственной наградной системы со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Наградная система государства в концепции А. Л. Дёмина

Всесторонне продуманное определение наградной системы и награды как её элемента предлагает А. Л. Дёмин. Это и понятно – научно-теоретических и философских работ, специально посвящённых награде, до его диссертации 2003 года в России не было. Впервые объектом диссертационного исследования стала «наградная система государства как феномен политических, социальных и культурных отношений субъектов исторического процесса различных политических систем», а предметом – «генезис, сущность, функции наград и наградной системы государства как философско-политологическая проблема». Цель и все основные задачи диссертации А. Л. Дёмина также предполагают изучение различных аспектов наградных систем. Под ними понимаются, как правило, государственные системы¹⁹.

Вот такую развёрнутую дефиницию даёт этот автор.

«Наградная система государства – это политический и социальный институт, обеспечивающий реализацию функций наград. Наградная система государства представляет собой совокупность всех его наград и поощрений, учреждаемых и присуждаемых органами высшей государственной власти, а также правовых и нормативных документов, содержащих перечень мер, обеспечивающих её существование и функционирование. Наградная система государства – это целостный комплекс социальных явлений, обусловленный объективными и субъективными закономерностями и потребностями государства и общества, осознанный и постоянно находящийся в применении государства и используемый им и социумом для достижения своих целей.

Наградная система государства всегда является правовым образованием, которое создается определенными государственными органами с выпуском соответствующих документов, регламентирующих процесс учреждения, присуждения и выдачи государственных наград, подтверждающих законность награждения и владения ими, их ношения, а также определяющих правила пользования награждённых лиц правами относительно наград и исполнения ими обязанностей. Наградная система, помимо того, что концентрирует функции наград в совокупность, обладает собственными функциями, которые, подобно аналогичным функциям наград, объединяет в виде двух основных: социально-регулятивной и ценностно-ориентирующей»²⁰.

С нашей точки зрения, вклад Дёмина в разработку понятий «государственная награда» и «наградная система государства» заслуживает внимания. Несмотря на то, что мы вынуждены констатировать недостаточность дефиниций этих понятий, а главное – подхода А. Л. Дёмина к награде как многомерной социальной реальности, его несомненной заслугой является попытка социально-философского осмысления новой сложной темы. В этом смысле, его работа является несомненным достижением, важнейшим прорывом. Слабости его работы обусловлены тремя вполне понятными взаимосвязанными причинами.

¹⁹ Дёмин А. Л. Наградная система государства как компонент политической культуры. Социально-философский анализ. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. М.: МГТУ им. Баумана, 2003 (на правах рукописи). С. 7–8. Научный руководитель – д. филос.н., профессор В. С. Пусько.

²⁰ Дёмин А. Л. Наградная система государства как компонент политической культуры. Социально-философский анализ. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. М.: МГТУ им. Баумана, 2003 (на правах рукописи). С. 7–8. Научный руководитель – д. филос.н., профессор В. С. Пусько. С. 103.

Во-первых, его «социально-философский анализ» награды – *диссертационное* исследование: по строгим канонам этого жанра, суть дела представляется так, как если бы эта суть была полностью раскрыта и познана. Ясно, что это, мягко говоря, не соответствует действительности. Между тем, требования жанра таковы, что чем меньше диссертация содержит в себе вероятностных, гипотетических суждений, догадок, аналогий, чем меньше в нём смелых, но рискованных суждений, недостаточно обоснованных логически и эмпирически мыслей, наблюдений, предположений, – то есть, всего того, что на предзащитных обсуждениях и потом в ВАКе может расцениваться как «слабости», тем лучше. Да, это лучше для защиты, но не всегда лучше для дела.

Во-вторых, это *первая* диссертация о награде и наградной системе на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия. Как пионерное философское исследование такой сложной и обширной темы работа А. Л. Дёмина, с нашей точки зрения, заслуживает самой высокой оценки. Вместе с тем, необходимость сосредоточиться на строго определённом аспекте наградного дела – трактовке наградной системы государства «как компонента политической культуры» – вынудила диссертанта сместить смысловые акценты, с одной стороны, на исторически поздние *государственные* наградные системы, с другой – на *политологическое* истолкование социального феномена награды. Разумеется, это не ошибка, но, тем не менее, это некоторое искажение исторической картины и картины жизненного мира, поскольку весь колоссальный массив реальных наградных отношений в рамки служения государству не вписывается. Характерный пример – несоответствие смысла дефиниций и тезисов автора смысловому уровню его обобщений: часто, когда речь идёт о награде вообще или наградной системе вообще, под ними по умолчанию подразумевается только государственная награда и только государственная наградная система.

В-третьих, работу А. Л. Дёмина, написанную на стыке ряда гуманитарных и социально-научных дисциплин, прежде всего, философии и истории (в её особом аспекте) отличает высокий уровень компетентности в области фалеристики и связанных с ней общих исторических знаний. Этому уровню не соответствует, с нашей точки зрения, философско-методологический уровень работы, определивший исследовательскую позицию и ориентацию автора. Такое несоответствие вызывает много вопросов, на которые в диссертации не предусмотрено никаких ответов. В работе нет достаточного для научной объективности баланса между восприятием наград теми, кто может быть ими удостоен, и теми, кто принимает властно-политические решения об их учреждении и присуждении. Автор смотрит на социальный феномен награды глазами государственного идеолога и государственного политического деятеля. Он ориентирован на исследование темы преимущественно в интересах государства. В этом нет ничего «плохого», более того – такая работа необходима и весьма полезна для обучения государственной службе. Но указанная односторонность придаёт ей не декларируемый автором прикладной характер, суживая область применения её теоретических выводов.

Здесь не к месту разбор всей диссертации, поэтому ограничимся только критическим анализом дефиниций награды и наградной системы государства. «Наградная система государства – это политический и социальный институт, обеспечивающий реализацию функций наград», – пишет А. Л. Дёмин. С нашей точки зрения, наградная система государства – прежде всего *государственный* институт; *как таковой* он может являться одновременно и политическим, и социальным, и экономическим, и правовым, и культурным, и пр. По мнению А. Л. Дёмина, наградная система государства институционально обеспечивает реализацию функций наград, а кроме того, «концентрирует функции наград в совокупность, обладает собственными функциями, которые, подобно аналогичным функциям наград, объединяет в виде двух основных: социально-регулятивной и ценностно-ориентирующей».

Рассмотрим в таком случае дефиницию награды, предлагаемую А. Л. Дёминым, ниже, а пока обратим внимание на то, что, по его мнению, «наградная система государства пред-

ставляет собой совокупность всех его наград и поощрений, учреждаемых и присуждаемых органами высшей государственной власти, а также правовых и нормативных документов, содержащих перечень мер, обеспечивающих её существование и функционирование». Такую формулировку можно было бы принять, если бы не разделение, с одной стороны, на награды и поощрения, с другой – на правовые и нормативные документы. Спрашивается: не является государственная награда поощрением, а государственное поощрение – наградой? Что такое награда государства, если не «высшая форма поощрения» граждан? Не являются ли государственно-правовые документы нормативными, а государственно-нормативные документы правовыми? С нашей точки зрения, никаких оснований для таких разделений нет. Что касается документально утверждённых мер, обеспечивающих «существование» наградной системы государства, то, как мы полагаем, эти документы узаконивают, или легализуют, государственную наградную систему: для неё существовать – значит быть легальной. Её физическое существование в виде государственных запасов составных элементов наград – невручённых знаков отличия и чистых бланков наградных документов – дело уже второстепенное.

«Наградная система государства – продолжает А. Л. Дёмин, – это целостный комплекс социальных явлений, обусловленный объективными и субъективными закономерностями и потребностями государства и общества, осознанный и постоянно находящийся в применении государства и используемый им и социумом для достижения своих целей». Эта часть дефиниции, малопонятная из-за расплывчатости формулировок, вызывает много вопросов, например: о каких именно «социальных явлениях» в целостном комплексе наградной системы государства идёт речь? Могут ли быть на самом деле у государства и общества «потребности» или они могут быть только у людей как открытых живых организмов? Не применяется ли к государству и обществу слово «потребность» в метафорическом смысле, а на самом деле речь может идти лишь о национальных (в смысле «государственных») целях и интересах? Если говорить о потребностях человека, то на чём основывается их разделение на объективные и субъективные, если всякая человеческая потребность вызвана жизненной (физиологической) необходимостью организма и есть её прямое следствие? На чём, далее, основано разделение закономерностей государства и общества на объективные и субъективные? Если речь идёт о закономерностях государства и общества, что такое их «субъективные» закономерности? К примеру, что такое «субъективная закономерность государства»? Все эти вопросы мы оставляем без дальнейших комментариев.

Предпоследняя часть дефиниции гласит: «Наградная система государства всегда является правовым образованием, которое создается определенными государственными органами с выпуском соответствующих документов, регламентирующих процесс учреждения, присуждения и выдачи государственных наград, подтверждающих законность награждения и владения ими, их ношения, а также определяющих правила пользования награждённых лиц правами относительно наград и исполнения ими обязанностей». Эта часть дефиниции, хотя и не вызывает вопросов по существу, оставляет странное впечатление, поскольку содержит очевидные тавтологии. В самом деле, может ли наградная система *государства* быть *не правовым образованием*, создаваться *не государственными органами*, да ещё без выпуска «соответствующих» документов?

Если теперь вернуться к главной по смыслу части дефиниции понятия «наградная система государства», отправляющей нас к определению понятия «награда», то в первой главе диссертации, посвящённой социально-философскому анализу награды, находим такую дефиницию этого социального феномена: «Проведенный анализ такого явления, как награда, показал, что *она представляет собой свидетельство признания особых заслуг, имеющее моральный или материальный характер за выполнение субъектом – физическим лицом или группой*

лиц или юридическим лицом – *обязанностей или долга перед социумом*»²¹ (курсив и жирный шрифт мой – А.М.).

Во-первых, у нас вызывает большое сомнение способность «юридического лица» к действию в реальном мире. В физическом пространстве и времени могут действовать только физические лица. Мы считаем поэтому, что наград удостоиваются только люди, заслужившие их, а не «юридические лица». Объектами награждения могут быть человек или человеческий коллектив (не важно, мал он или велик – завод, фабрика, колхоз, воинская часть, корабль, город, крепость), субъектами наградного взаимодействия (принимающими либо не принимающими награду), соответственно, – индивидуальная или коллективная личность²².

Во-вторых, в итоговой дефиниции названа лишь одна сторона наградных отношений – воспринимающая награду (в качестве официально утверждённых условий награждения), заслуживающая её (своим трудом, талантом, особыми личностными качествами, ценой жертвы собственного здоровья или жизни) и принимающая (в результате официально утверждённого правового акта о награждении). Вызывает недоумение, почему не упомянута сторона, учреждающая награду, присуждающая и вручающая её? Кто именно *формулирует отличительные особенности и состав «особых заслуг»*, кто *идентифицирует*, а затем *признаёт* особый характер выполненных заслуг, кто *выдаёт официально утверждённое свидетельство* о них? Государство? Но всегда ли только государство? Вопросы отнюдь не риторические, их важность для понимания сущности награды как социального феномена очевидна. Эта фигура умолчания подтверждает отмеченный нами факт смещения смысловых акцентов.

В-третьих, мы подчёркиваем, что П. Сорокин был прав, когда выдвинул в качестве одного из трёх необходимых и существенных признаков «услужного» акта – социально-значимого действия, заслуживающего награды, – его «необязательность», или «сверхнормальность», или «избыток 'добродетельности'». «Эта черта, – писал он, – выражается в том, что притязать на эти акты или вменять их в обязанность нельзя»²³. В этом смысле, дефиниция награды, предложенная А. Л. Дёминым, неудачна. И вот почему.

С одной стороны, ясно, что выполнение обязанностей или долга *может привести к совершению поступка*, который по своему характеру или последствиям выходит за обычные, общепринятые рамки исполнения обязанностей, т. е. является «сверхнормальным» и поэтому предполагает «избыток 'добродетельности'», а следовательно, заслуживает награды. Однако само по себе выполнение обязанностей или долга не является достаточным условием для награждения. За это трудящимся – рабочим, служащим, военнослужащим и т. д. – платят заработную плату, иногда добавляя к ней премии «за особые заслуги». Ключевой термин «особые заслуги», используемый Дёминым, далеко не так однозначен, как он, видимо, считает. Да, этот широко распространенный в наградном деле термин может быть понят в качестве комплекса сверхнормальных социальных действий, достойных награды. Однако он может быть истолкован и совершенно нормальным (обычным, рутинным) образом: как правильное неукоснительное выполнение должностных обязанностей, служебного долга, скажем, в трудных условиях или на общем неудовлетворительном фоне. В последнем случае границы между поведением, заслуживающим награды, и поведением, заслуживающим вознаграждения (деньгами в виде зарплаты или надбавки к ней) критически размываются.

²¹ Дёмин А. Л. Указ. соч. С. 77.

²² Понятие «коллективная личность» мы понимаем в том смысле, в каком, например, М. Шелер употреблял понятие «Gesamtperson». Слово можно перевести по-разному, но понятийный смысл по сути не меняется: соборная, собирательная, совокупная или коллективная личность. (Scheler M. Max Scheler Gesammelte Werke. Hrsg. von Maria Scheler und Manfred S. Frings. Bd.2: Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik, A. Francke AG Verlag, Bern 1980. SS. 509-548.) Аналогичные понятия встречаются и у других авторов.

²³ Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: РХГИ, 1999. С. 119.

С другой стороны, возникает принципиальный вопрос: что это за такие «обязанности или долг перед социумом»? Если речь идёт о духовно-нравственных ценностях индивидуума и моральных нормативных императивах, которые им соответствуют, то причём здесь какие-то награды за какие-то «особые заслуги»? Разве не ждёт нас за это высшая награда на небесах? Если понятие «социум» в определении Дёмина понимать именно в таком – гуманистическом, или филантропическом, смысле, – то из-за своей крайней абстрактности оказывается предательски неоднозначным термин «социум». Если же речь идёт о трудовых, профессиональных, должностных и прочих обязанностях, о профессиональном, служебном, гражданском и прочем долге, то мы снова возвращаемся к неоднозначности термина «особые заслуги». Вот почему привязка социальных действий, достойных награды, к «выполнению обязанностей или долга перед социумом» представляется нецелесообразной.

Ведь помимо всего прочего люди всегда совершали и будут совершать подвиги независимо от каких бы то ни было обязанностей или долга перед кем-либо и чем-либо. Так, человеку, который спасает кого-то от пожара, утопления, разбоя, абсолютно всё равно, кого именно он спасает – бухгалтера, полицейского, безработного или, к примеру, иностранца. Но и человеку, спасённому от пожара, утопления, разбоя, абсолютно всё равно, кто его спас – пожарник, спасатель на водах, полицейский или просто прохожий, к примеру, бухгалтер. В акте спасения человека человеком от гибели выражается общечеловеческая гуманистическая солидарность разумных *живых* существ²⁴. Она не тождественна социально-этической ответственности личности перед обществом. Поэтому не вполне корректно трактовать поступок человека, который спас утопавшего, как его «обязанность или долг перед социумом». То, что сам герой-спасатель считает для себя «долгом» спасение погибавших вне всяких профессиональных обязанностей – это его *глубоко интимное личное дело* и на то есть у него его *индивидуально-личная добрая воля* (добровольность – второй признак подвига, по П. Сорокину). В том-то и дело, что в отличие от муравьёв и пчёл люди как социальные живые существа обладают ещё индивидуально-личностными формами сознания и свободы воли, поэтому никто из нас не «обязан» и «не должен» никого спасать, рискуя собственной жизнью, хотя нравственный императив может нас к этому призывать (и воспитанных людей призывает).

«Основными видами заслуг являются воинские отличия в бою, трудовые, научные и культурные достижения. – продолжает А. Л. Дёмин. – Награды, являясь формой правового поощрения, выполняют ряд социальных функций, которые зачастую смыкаются с политическими». Что же это за функции? Их общую формулировку автор, судя по всему, заимствует у В. Г. Буркова. В своем учебнике по фалеристике В. Г. Бурков пишет: «...Наградные знаки отличия и документация, связанная с ними, несут разнообразную функциональную нагрузку, и, прежде всего, *социально-регулятивную и ценностно-ориентирующую*. Наградная система способствует развитию социальной, боевой и трудовой активности людей»²⁵ (курсив мой – А.М.). Правда, простым заимствованием А. Л. Дёмин не ограничивается, а наполняет две функции наградной системы государства, о которых писал Бурков, разнообразным содержанием и объявляет их «обобщёнными» (т. е. как бы включающими в себя ряд других функций). При этом становится очевидным тот факт, что способность автора осмыслить, продуктивно «переварить» эмпирический материал не соответствует многообразию этого материала и, главное, многомерности феномена награды как социальной реальности. В итоге получается эклектичный набор квазиопределений награды через её социальные функции, изложенный посредством простого перечисления.

«Любая награда, независимо от её характера и специфики, – пишет А. Л. Дёмин, – представляет собой: знак пожалования; свидетельство признания особых заслуг; атрибут государ-

²⁴ Люди спасают также нередко и животных, и растительный мир, рискуя собственной жизнью.

²⁵ Бурков В. Г. Фалеристика. М.: РГГУ, 2000. С. 6.

ства и его символ; символ милости монарха или высшей власти; символ участия человека или организации в данной деятельности или событии; способ наделения награждённого лица или организации преимуществами, льготами; моральное поощрение (это относится к любой награде, но особенно к наградам, имеющим символическое выражение или ритуал); материальное воплощение справедливости, проявленной к кому-либо (исключение составляют лишь те награды, которые представляют собой ритуал); ресурс власти. В определенных случаях ряд наград, кроме того, играют роль символа принадлежности к элите. Любая награда, – продолжает он, – выполняет следующие социальные функции: воздаяния за заслуги; выделения данного субъекта деятельности (отличившегося лица, коллектива) из многих; реализации стремления человека к справедливому воздаянию»²⁶.

Наконец, А. Л. Дёмин переходит к сути дела: «Наградам присущи две главных обобщённых функции: социально-регулятивная и ценностно-ориентирующая. Социально-регулятивную функцию она [награда – А.М.] реализует посредством следующих функций: придания кавалеру награды ореола исключительности; придания награждённому лицу нового статуса, перевода в иное сословие; стимулирования деятельности в ходе решения государственных и общественных задач, участия в государственной и общественной деятельности, отстаивания и защиты национальных интересов; обогащения (с помощью наград, имеющих имущественное выражение); детерминации общества, отрасли, родов войск и отдельных воинских частей (коллективные награды); создания духа корпоративности (коллективные награды).

В ходе реализации ценностно-ориентирующей функции награды представляют собой: символ славы; культурное явление, воплощение уровня изобразительной или музыкальной культуры; символ веры, произрастающий из символики какой-либо общепризнанной религии: христианства, либо, что гораздо реже, мусульманства или буддизма. При этом они выполняют следующие социальные функции: создание положительного отношения к государству, власти, поддержание их авторитета; создание механизма мотивации деятельности индивидуумов (политической или общественно полезной), т. е. обеспечение стимулирования деятельности; отображение верований и религиозных чувств народа.

Любая награда обладает следующими свойствами: способностью прямого воздействия на сознание людей; долговременным характером воздействия на сознание людей. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что любая награда, независимо от её типа, места в классификации, времени её появления и срока действия, представляет собой социальный феномен, культурный феномен и правовой феномен. Все существующие награды государства составляют его наградную систему»²⁷.

Итак, после попытки дать определение сущности награды, с нашей точки зрения, не вполне удачной, А. Л. Дёмин выложил грудю полусырого, с теоретически-методологической точки зрения, материала на тему «награда – это...», предлагая читателю «переварить» его самому. Этот материал – исторически изменчивые социальные функции и многообразные феноменальные формы награды. Такие «определения» награды через её социальные функции и феноменальные формы, конечно, познавательны, поскольку они в новом ракурсе освещают всю мировую историю.

Однако в любой стране в каждой новой исторической ситуации, в каждой новой социальной конstellации будут возникать всё новые контексты значений, где награды будут приобретать всё новые социальные функции и символические формы. Нечто подобное происходит, например, с исторически судьбинными перетолкованиями вечных человеческих символов, которые явлены в наградах всех стран и народов. Избранный А. Л. Дёминым путь (метод), чтобы объяснить сущность награды, весьма тернист, а *указателя, куда этот путь ведёт*,

²⁶ Дёмин А. Л. Указ. соч. С. 77–78.

²⁷ Дёмин А. Л. Указ. соч. С. 78–79.

автор не поставил. Хотя история человечества имеет начало и, следовательно, имеет конец, обозреть все бывшие и бытующие ныне функции и формы награды для человеческого познания не представляется возможным.

В своих выводах ко второй главе, А. Л. Дёмин даёт итоговые дефиниции наградной системы государства и её социальных функций. Теперь это просто (без прилагательного «социальный») «политический институт, обеспечивающий реализацию социальных функций наград. При этом наградная система в ходе функционирования выступает в качестве средства, инструмента и ресурса государственной власти и политики, участвуя в формировании класса, элиты, касты, социальных групп, субкультур, являясь структурирующим механизмом, даже если в ней лишь несколько наград. Во внесословном обществе наградная система в ходе функционирования устанавливает иерархию среди лиц, удостоенных государственных отличий. Представляя собой механизм создания преимуществ, льгот, придания нового статуса, перевода в иное сословие, наградная система составляет при этом часть государственного механизма, а также следующие феномены: политический, социальный, правовой, культурный.

Существование наградной системы в том или ином виде присуще практически всем государствам. Отражая, сохраняя и поддерживая традиции государства и нации, наградная система является важным политическим и национальным символом, причем эту роль играет как система в целом, так и ее составные части. Благодаря этому наградная система, как и любая награда в её составе, повсеместно выступает в качестве неотъемлемого и устойчивого атрибута государства. Входя составной частью в базовую политическую культуру, наградная система государства является условным образом государства, выполняющим объединяющую и мобилизующую роль, а также средством агитации. Наградная система приобщает людей к государственной политике, хотя участие в ней может и не осознаваться индивидуумами, способствует их взаимодействию с государственными институтами, формированию определённого мнения о политических объектах, о социальной справедливости и является составной частью системы распределения почестей, благ и льгот.

В структуре ценностных отношений политической культуры наградная система участвует в формировании политических убеждений, традиций, идеалов, чувств. Поскольку награды относятся к «позитивным» ценностям, наградная система выступает как компонент системы ценностей государства и общества, представляя собой «прозрачную», в отличие от «черной наличности», систему воздаяния. Её существование объясняется потребностями как политического руководства страной, так и потребностями людей, составляющих социум, то есть наградная система выступает как часть общественного договора и как социальный регулятор, в частности, для преодоления социальных конфликтов, а также социальный механизм и социальный инструмент стимулирования для решения экономических и социальных задач»²⁸.

Искусственная сжатость текста, обусловленная его жанром, не заслоняет того неоспоримого факта, что А. Л. Дёмин в целом верно констатирует многие социальные функции государственных наград и наградных систем. Но и в них ему не удалось разобраться по существу, например, выделить в них основные и второстепенные функции, общие и особенные, свойственные всем наградам и только государственным, исторически отжившие и сохранившие актуальность и т. д. Кроме того, мы считаем, что «обобщённая функция», которая якобы реализуется через посредство других функций, – это, на самом деле, не какая-то реальная функция, а просто номинальная рубрика для функционального комплекса, т. е. абстрагированное от реальности толкование социальной роли награды как государственно-политического инструмента. Такое субстанциалистское понимание и применение понятия «функция» приводит к его реификации.

²⁸ Дёмин А. Л. Указ. соч. С. 138–139.

Что такое «ценностно-ориентирующая функция» наград? Ни одна государственная награда в отдельности, ни вся наградная система государства не в состоянии изменить ценностное ощущение мира индивидуальной личностью, её ценностные предпочтения. В основе последних лежит индивидуальный «порядок любви» (*ordo amoris*), который во многом предопределяет судьбу человека: ценностное мироощущение личности отчасти заложено генетически, отчасти формируется воспитанием. Награды не могут напрямую воздействовать на систему ценностей личности, поскольку она формируется с рождения на основе индивидуального ценностного мировосприятия посредством воспитания, образования, практического опыта, прежде всего, путём воздействия личностных образцов матери, отца, братьев, сестёр, других членов семьи, клана, рода. Система ценностей личности модифицируется и трансформируется не под влиянием наград, а прежде всего под воздействием социального окружения, коллективного влияния социальной группы, слоя, общественной страты, класса; народа, нации; соседних народов и наций.

Мы отрицаем за наградой «способность прямого воздействия на сознание людей». Награды способны воздействовать на сознание человека, влиять как ориентир на поведение личности, но отнюдь *не прямо* – это так же невозможно, как прямое воздействие белого на высокое, ароматного на круглое. На людей влияют заключенные в наградах и *близкие их собственному «порядку любви»* чувства, надежды, чаяния, представления, мысли, идеи. Они пробуждают в их сердцах и умах образы желаемого будущего, планы и перспективы и только благодаря этому оказываются для них привлекательными, т. е. становятся стимулами²⁹. Если человек воспитан в патриотических традициях, то награды как социальные символы будут стимулировать его прежде всего к тому, чтобы проявить свои лучшие способности и личностные качества в самоотверженном служении Родине. Если же человек воспитан как честолюбивый эгоцентрик, то и награды будут привлекательны для него прежде всего тем, что могут стать этапами в его продвижении к карьерному успеху (будет ли заодно какая-та польза Родине – это для него вопрос второстепенный).

С нашей точки зрения, «ценностно-ориентирующая функция» наград, *будучи всегда социокультурно опосредованной*, заключается в самом факте существования наград, а именно в том, что в их статутах и положениях, на эмблемах и символах знаков отличия *манифестируются в качестве рекомендуемых социально-этические добродетели и социально-значимые смыслы*. Непосредственным же субъектом влияния на человека всегда был, есть и будет *другой человек*, в особенности такой, который воспринимается им как *образец личности*. Вот почему государственные пропагандистские машины в трудные военные времена всегда «раскручивали» и будут «раскручивать» (в том числе, сотворяя мифы) образы национальных героев: в них представлены личностные образцы Героев, которым стремятся подражать путём идентификации с ними десятки тысяч людей. Этим как раз и объясняется тот факт, что во всех известных нам системах государственных наград обязательно есть такие (обычно это высшие ордена), которые носят *имена личностей* – особо почитаемых святых, легендарных национально-исторических героев, выдающихся деятелей государства, общества, культуры.

Но когда говорят о «ценностно-ориентирующем влиянии наград», обычно подразумевают под «ценностями», «ценностными ориентирами», «ценностными предпочтениями» социологические понятия, а не живое влияние человека на человека и даже не влияние на человека личностного образца. Речь идёт о научно-рациональных конструктах, создаваемых

²⁹ Такого рода бихевиористские представления образно критикует Н. Смелзер, объясняя концептуальный смысл символического интеракционизма: «Люди не реагируют непосредственно на воздействия внешнего мира наподобие лягушки, которая автоматически выбрасывает язык, когда слышит жужжание мухи. – пишет он. – Вместо этого люди придают определенные значения получаемым стимулам и реагируют в большей степени на эти значения, или символы, а не на сами стимулы». (Смелзер Н. Дж. Социология // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 128–129.) Мы не считаем, что символический интеракционизм подходит для изучения социального феномена награды, но в данном конкретном случае вполне достаточно и его.

учёными как понятийные инструменты для изучения реалий общества и государства. Такие конструкты – элементы, производные от социально-научных или социально-философских теорий и сами по себе ни на кого и ни на что влиять не могут.

Таким образом, научному рационализму социальных учёных всегда было, есть и будет *что* противопоставить иррационализму реальной действительности. Когда, например, А. Л. Дёмин утверждает, будто «наградная система выступает как компонент системы ценностей государства и общества», не стоит удивляться, если выяснится, что, по мнению социологов, государственно-политический институт может входить «компонентом» в систему ценностей, причём одновременно и государства, и общества. Не удивительно в таком контексте и то, что, по мнению А. Л. Дёмина, наградная система государства представляет собой, как он выражается, ««прозрачную», в отличие от «черной наличности», систему воздаяния».

В последнем случае должное выдаётся за действительное. Разве не существует коррупции среди государственных чиновников, продажи ими государственных наград, нарушений наградного права в РФ и других государствах? Может быть, все, кто этого заслуживает, награждаются государствами всегда, причём адекватно и своевременно, а те, кто этого не заслуживает, никогда не награждаются? О какой «прозрачной системе воздаяния» может идти речь, например, в РФ, где общественный строй изначально формировался на основе жизненных ценностей олигархического капитализма, где государственное право и социальная этика, адекватные господствующему клептократическому этосу, сразу же отправили понятие «социальная справедливость» на свалку истории вместе с конституцией СССР и «моральным кодексом строителя коммунизма»?

Возможно, социально-философский анализ А. Л. Дёмина был бы продуктивней, если бы он познакомился с исторически первым трудом знаменитого русско-американского социолога о подвиге и награде (книга П. Сорокина, как и сам он, в диссертации А. Л. Дёмина не упоминаются). Возможно, если бы он уделил бы больше внимания рассмотрению награды по существу, не свернул бы сразу на перечисление функций, а затем на рассказ о том, как они осуществляются в различных типах политической культуры (патриархальной, подданнической, активистской; закрытой и открытой), то и понятие наградной системы государства, опирающееся на понятие награды, имело бы более прочный фундамент, чем тот, что оно у него имеет: «политический и социальный институт, обеспечивающий реализацию функций наград».

Государственная наградная система в трактовке А. И. Гончарова

Предмет исследования историка А. И. Гончарова – государственная наградная система. При этом он не обременяет себя социально-философскими размышлениями о том, что такое награда и государственная награда, а даёт определение, незначительно отличающееся от тех, которые известны из официальных документов наградного права нашей страны: «Мы предлагаем собственное определение понятия государственной награды. *Государственная награда* – это высшая форма поощрения граждан за заслуги перед государством и обществом, нормативно установленная главой государства или высшим органом государственной власти»³⁰.

А. И. Гончаров констатирует, что «в настоящее время в отечественной историографии не существует научного определения «государственной наградной системы»». В 2006 г., продолжает он, «...Е. В. Трофимов сформулировал только понятие наградной системы: «наградная система – нормативно установленная или признанная государством совокупность государственных наград, применяемых в установленном порядке уполномоченными органами

³⁰ Гончаров А. И. Наградная система Российской Федерации. М.: «Посев», 2010. С. 6.

публичной власти и общественными институтами»^{31»32}. На наш взгляд, тем не менее, совершенно очевидно: Е. В. Трофимов предложил именно понятие государственной наградной системы, поскольку, говоря о наградной системе, он не мел в виду никаких других наград, кроме государственных.

Сам же А. И. Гончаров предлагает такую дефиницию: «...*Государственная наградная система* – это законодательно установленный высшей государственной властью комплекс наград, связанных между собой иерархическими уровнями и образующих единую структурную целостность. Государственная наградная система, – продолжает он, переходя уже к её социальным функциям, – призвана отражать государственную идеологию, пропагандировать установленные правила поведения, стимулировать обеспечение государственной безопасности и защиты страны, а также способствовать развитию трудовой и общественной активности граждан»³³.

Несомненной заслугой А. И. Гончарова является продвижение вперёд в деле осмысления и упорядочения колоссального массива информации в такой малоизученной области гуманитарных исследований, как фалеристика, а именно в той её части, которая касается государственной наградной системы. Основываясь на сравнительном изучении исторических документов, которые имеют отношение к государственным наградным системам Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации³⁴, он предпринял попытку выявить через их сходства и различия некое сквозное структурно-функциональное единство. Последнее, по замыслу автора, как раз и должно быть «государственной наградной системой».

Результатом работы А. И. Гончарова стало вычленение «структуры государственной наградной системы», состоящей из семи «категорий». Под «категориями» А. И. Гончаров подразумевает следующие аспекты или направления государственного наградного дела: правовой, функциональный, идеологический, социальный, эмблематический, вещественный и аспект, касающийся различных форм награждения. Внутри каждой «категории» он выделяет принадлежащие ей «признаки».

Чтобы было понятно, о чем идёт речь, укажем эти признаки (курсив мой – А.М.).

«*Правовая* категория структуры государственной наградной системы... (...) включает в себя следующие признаки: 1. Наличие законодательно установленных правил, регламентирующих порядок действия государственной наградной системы. 2) Принадлежность права инициирования учреждения новых наград. 3. Принадлежность права учреждения государственных наград и установления правил их действия, а также права представления к награждению. 4. Возможность передачи прав награждения военному командованию во время ведения боевых действий. 5. Порядок лишения награждённого лица государственных наград»³⁵.

Функциональная категория структуры государственной наградной системы описывает «признаки применения государственных наград по видам поощряемой деятельности и характеру заслуг». «Государственная наградная система способна эффективно функционировать при наличии следующих признаков: 1. Государственные награды должны иметь внутреннюю иерархию, установленную в соответствии со значимостью поощряемых ими заслуг. 2. Награды учреждаются в целях поощрения персональных заслуг, проявленных награждаемыми лицами перед государством и обществом, а также в связи со значимыми событиями в истории страны.

³¹ Трофимов Е. В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

³² Гончаров А. И. Указ. соч. С. 6.

³³ Гончаров А. И. Указ. соч. С. 7.

³⁴ К этим источникам относятся: 1) вещественные, 2) письменные (норматив но-правовые акты, делопроизводственные документы, инженерно-техническая документация), 3) изобразительные, 4) фотодокументы, 5) кино-и видеодокументы, 6) фонодокументы (Там же. С. 8–9).

³⁵ Гончаров А. И. Указ. соч. С. 9.

3. Наряду с награждением личных заслуг граждан возможно существование практики коллективного награждения (городов, предприятий...). 4. Для полноценного функционирования государственной наградной системы необходимым условием является контроль в сфере наградной деятельности, осуществляемый специальным государственным органом»³⁶

³⁶ Гончаров А. И. Указ. соч. С. 31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.